

— Я надоел тебе, юный Этос? — спросил меня старик. Он был философом восьмого ранга в Софическом Царстве, с бородой, свисавшей до груди, и кустистыми белыми бровями. Он был в разгаре сортировки разбросанных по столу между нами листов бумаги на целую книгу, каждый лист был исписан числовыми уравнениями и геометрическими фигурами. Он был постоянным мастером пифагорейских добродетелей культа и был моим наставником с тех пор, как я был мальчишкой.

И да, он также надоел мне.

— Да, — честно сказал ему я. — Думаю, я сыт тобой на сегодня.

Для человека такого продвинутого уровня развития его было достаточно легко читать. Он ненавидел наше время вместе. Я знал это с тех пор, как был мальчиком. Он страдал от тех же иллюзий, что и многие другие старейшины культа, — что они продолжают существовать по какой-то причине, кроме милости моего отца, и что они когда-либо привнесут в мир что-то, что мой отец ещё не освоил и не улучшил.

Это мешало воспринимать кого-либо из них особенно серьёзно. Этот, в частности, был особенно угрюмым по поводу частного обучения, которое мой отец требовал от всех своих старших философов дать его сыну, до такой степени, что он делал даже самые интересные темы невыносимыми.

— Твой отец ожидает, что эти листы будут готовы к обеду, — предупредил старейшина. Насколько я знал, он с удовольствием отправил бы меня восвояси, но в этих стенах слово Дэймона Этоса было абсолютным.

— Естественно. — Так что я сгрёб бумаги в беспорядочную стопку и свернул их, полностью нарушив сортировку, которую он делал. Выражение его лица напряглось. Его пневма чуть-чуть мерцала. Увы, он удержал свой язык. — Я доставлю их сам.

— Если работа не будет сделана должным образом...

— Это будет на моей голове, — закончил я, вставая из-за стола и поворачиваясь к нему спиной.
— Как и всегда, ваши инструкции были бесценны. Поистине, раньше у меня были глаза, но теперь я наконец вижу.

— Моё удовольствие, — сказал он, просто образец сдержанности.

Они все были такими скучными.

— Раб, за мной, — позвал я, не сбавляя шага. Дюжина голов обернулась на звук моего голоса, но я верил, что у них хватит здравого смысла понять, что я разговариваю не с ними. Я продолжил свой путь по коридору, размышляя, где лучше всего закончить работу и насладиться солнцем, пока оно ещё ярко светит в небе.

Почему я не слышу шагов?

Я остановился и оглянулся назад. Несколько посвящённых болтали друг с другом, прислонившись к перилам и глядя во двор, но больше никого. Я нахмурился, возвращаясь к

входу в кухню.

— Раб.

Снова дюжина рабов одновременно оторвались от своей работы, излучая замешательство и тревогу в разной степени. Все кроме одного, он стоял над столом в глубине с горкой теста в руках. Рядом с ним была та же самая рабыня, которую я недавно видел, когда она учила его месить тесто, яростно дёргала его за рукав, широко раскрыв глаза, когда она смотрела на меня. Он рассеянно стряхнул её руку и погрузил ладони в тесто.

Мужчины и женщины спотыкаясь, разбежались в разные стороны, когда я вошёл в кухню. Девушка с неприкрытым ужасом смотрела как я приближаюсь.

— Раб, — тихо сказал я, стоя прямо рядом с ним. — Ты меня игнорируешь?

— Я пеку хлеб, — ответил Сол.

— И это важнее меня? — спросил я с любопытством.

— Очевидно.

Девушка втянула воздух сквозь стиснутые зубы, выглядя так, будто хотела перепрыгнуть через меня и захлопнуть ладонями его рот, чтобы заставить его замолчать. Остальные работники кухни стояли, поглощённые своей работой, и смотрели на меня, как козел на горного кота. Я оценивал его.

— Справедливо, — решил я, сметая оставшееся содержимое стола на пол и бросая свои бумаги. Девушка и ещё один раб бросились собирать материалы, а я уселся на столешницу, выбирая наугад лист и просматривая его.

— Что ты знаешь о квадривиуме? — спросил я его, вытаскивая из-за уха тростниковую палочку с прорезями и заполняя ею лист папируса. — Рим уже открыл числа, не так ли?

— Мы предпочитаем использовать наши пальцы.

Я фыркнул, поднимая очередной лист папируса. Больше арифметики, на этот раз связанной с логистикой цепочкой поставок между Аликосом и Розовой Зарёй. Ничего такого, чего бы я уже не знал. Старейшина знал это, а значит, знал и мой отец. Тем не менее, я всё равно тратил на это время.

— Это всё одна и та же работа, — раздражённо сказал я. — Заказы, внутренние споры, переговоры с городскими поставщиками. День за днём. Какой урок я должен извлечь из бесконечного повторения, кроме того, что жизнь кириоса невыносимо скучна?

— "На прочном фундаменте строятся высокие города".

— "И много рук облегчают работу". — Я швырнул ему несколько листов. Он продолжал месить тесто, но я был терпелив.

Сол мог вести себя настолько стоически как ему хотелось, но в конце концов культиватору требовалось больше стимуляции, чем кусок теста и бесконечная работа по дому.

Достаточно скоро он уже стоял, прислонившись к столу, изучая лист папируса с той же

сосредоточенностью, с какой он готовил хлеб. Рабы время от времени бросали на нас украдкой взгляды, особенно девушка с темными косами, но никто из них не говорил. В воздухе висел тяжёлый запах свежих фруктов и печёного хлеба.

— Это лёгкая работа, — размышлял Сол, ритмично постукивая второй тростниковой палочкой, которую я принёс с собой, по листу папируса. — И арифметика тоже. Когда ты выполняешь практическую работу?

— Когда мне будет угодно, — сказал я, откладывая ещё один готовый лист.

Сол закатил глаза: «Лучше быть рабом, чем отцом Грека». — Раздался грохот и панические проклятия, когда кто-то уронил тарелку. Я только усмехнулся.

— Просветите этого скромного софиста, — сказал я насмешливо. — Каков был ваш безупречный режим культивирования?

Какое-то время он оценивал меня краем глаза, затем перевернул лист, над которым работал, и начал писать на его чистой стороне. На странице ожило строгое расписание солдата, вплоть до абсурдного деления времени на такие вещи, как поддержание брони и растяжка перед тренировкой. С таким же успехом он мог бы рисовать картину клетки на странице.

— Числа требуют теоретического и практического применения в балансе друг с другом, — сказал он на ходу. — Квадривиум ничего не стоит, если его четырём частям не уделяется равное внимание. Музыкальная практика во второй половине дня, астрономия после заката. Практика оттачивающая тело...

— Думаю, я лучше буду рабом, — признался я, наблюдая, как он нарезает всё более и более узкие отрезки времени. Хм. Я наклонился вперёд, постукивая по блоку с простой надписью "Игра в кости". — И как это уравнивает душу?

Так мы и ходили туда-сюда. Ужин пришёл и ушёл, обсуждение дневных обязанностей и пользы жёстко расписанного досуга перешло к теме армейской жизни в целом. Мы ели за этим столом, и когда девушка с темными косами нервно спросила, не хочет ли Молодой Аристократ что-нибудь ещё на ночь, я махнул ей рукой вместе с остальными.

Уже почти рассвело, когда Сол беззастенчиво сообщил мне, что утром у него есть работа, и он слишком занят, чтобы развлекать меня всю ночь и день.

Я оставил рабочие бланки в кабинете отца, когда розовые пальцы зари прорвали небеса. Я опоздал. Моему репетитору наверняка сделали выговор за небрежность прошлой ночью. Ужасная трагедия, согласитесь.

Моя кровать была мягкой, простыни приятно прохладными, но я был ещё слишком бодр, чтобы спать.

— ... слишком занят для меня, хм?

Я сдался и пошёл искать своего раба.